

20-Sentyabr, 2026-yil

**РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
УЗБЕКИСТАНА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Абдурахманов Ф. И

д.ф.н.(DSc), профессор.

Узбекский государственный университет мировых языков,

г. Ташкент, Республика Узбекистан

Ким Виктория Никифоровна

д.ф.н.(DSc), профессор.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

г. Воронеж, Россия

Аннотация: *В статье анализируется положение русского языка в языковом пространстве Республики Узбекистан в контексте государственной языковой политики, исторической динамики и процессов билингвизма и полилингвизма. Обосновывается положение о том, что современная языковая ситуация Узбекистана не может быть адекватно описана как простое вытеснение русского языка узбекским. Она представляет собой динамическое асимметричное многоязычие, в рамках которого узбекский язык обладает государственно-институциональным приоритетом, русский сохраняет социально-коммуникативную значимость в ряде сфер, а английский язык последовательно расширяет международный и академический компонент языкового репертуара.*

Ключевые слова: *русский язык, Узбекистан, многоязычие, языковая политика, языковая ситуация, социолингвистика, цифровая коммуникация.*

Современное языковое пространство Узбекистана формируется в условиях многоязычия и внутренней функциональной неоднородности. Наряду с узбекским языком, имеющим статус государственного, в стране функционируют каракалпакский, таджикский, казахский, кыргызский, русский, английский и другие языки, представленные в различных сферах общественной, образовательной, профессиональной и межкультурной коммуникации. Поэтому описание языковой ситуации не может ограничиваться противопоставлением государственного языка и одного из языков межкультурного общения. Более адекватной является модель, учитывающая неодинаковое распределение языков по сферам использования, коммуникативным функциям и социальным группам.

Правовой фундамент современной языковой ситуации определяется прежде всего Конституцией Республики Узбекистан и Законом Республики Узбекистан «О государственном языке». Конституция закрепляет узбекский язык в качестве государственного и одновременно предусматривает обеспечение уважительного отношения к языкам национальностей и народностей, проживающих в стране, а также создание условий для их развития [1]. Закон «О государственном языке» устанавливает

государственный статус узбекского языка, не связывая его с ограничением права граждан пользоваться родными языками. В нём также закрепляется возможность выбора языка межнационального общения, образования и иных форм коммуникации [2]. Уже на уровне нормативного регулирования разграничиваются государственный статус языка и право на использование других языков.

Данное разграничение имеет принципиальное значение для социолингвистического анализа. Юридический статус языка не тождествен его реальной коммуникативной представленности. Государственный язык обладает институционально закреплёнными функциями в государственном управлении и общественно-политической сфере, однако языковая практика общества формируется под воздействием значительно более широкого комплекса факторов. К ним относятся исторически сложившиеся языковые компетенции населения, система образования, профессиональная специализация, урбанизация, структура межэтнических контактов, информационная среда и современные цифровые коммуникации.

Важное направление современной языковой политики Узбекистана связано с расширением функционального потенциала узбекского языка. В Указе Президента Республики Узбекистан от 21 октября 2019 г. № УП-5850 подчёркивается необходимость дальнейшего повышения роли и авторитета узбекского языка в общественной жизни, государственном управлении, образовании, науке и информационно-коммуникационной сфере. Одновременно документ предусматривает создание возможностей для развития языков всех национальностей и народностей, проживающих в стране [3]. В Указе Президента Республики Узбекистан от 20 октября 2020 г. № УП-6084, утвердившем Концепцию развития узбекского языка и совершенствования языковой политики на 2020–2030 гг., также сочетаются задачи расширения сфер функционирования государственного языка и обеспечения возможностей для развития языков других национальностей [4]. Нормативная модель тем самым ориентирована не на устранение многоязычия, а на укрепление позиций государственного языка при сохранении языкового разнообразия.

Социолингвистическое описание русского языка в Узбекистане требует учитывать историческую обусловленность его современной функциональной представленности. Русский язык на протяжении длительного времени выполнял функции межэтнического общения, образования, науки, профессиональной и административной коммуникации, что способствовало формированию устойчивого корпуса языковых компетенций. После изменения общественно-политической и языковой структуры государства эти компетенции не исчезли одновременно с изменением нормативного статуса языков. Они продолжают воспроизводиться в тех коммуникативных сферах, где русский язык обладает накопленной социальной и функциональной востребованностью [5, с. 16–20].

В данном отношении продуктивным представляется понятие исторической языковой инерции. Под ним следует понимать сохранение ранее сформированных языковых компетенций, навыков и моделей коммуникации после изменения

институциональных условий их функционирования. Речь не идёт о неизменности языковой ситуации. Напротив, историческая языковая инерция действует внутри динамического процесса: прежние модели коммуникации постепенно адаптируются к новым институциональным и социальным условиям, изменяется их интенсивность, сферы употребления и социальная значимость.

Исследование языковой ситуации в Узбекистане показывает, что русский язык продолжает использоваться в различных типах коммуникации, хотя характер его функционирования неодинаков в разных социальных и профессиональных средах. В частности, его роль может быть заметной в профессиональном общении, образовательной сфере, информационном пространстве и межкультурной коммуникации. При этом интенсивность использования русского языка определяется не только языковой компетенцией говорящих, но и конкретными коммуникативными задачами. В профессиональном коллективе язык может приобретать функциональное преимущество в тех случаях, когда именно на нём сформирована значительная часть профессиональной терминологии и накоплены соответствующие коммуникативные практики [8, с. 93–95].

Это позволяет уточнить содержание понятия «языковое пространство». Оно не сводится к совокупности языков, существующих на определённой территории. Для социолингвистического анализа существенно установить, какие функции выполняет каждый язык, в каких институциональных и социальных сферах он используется, какие группы говорящих поддерживают его функционирование и какие коммуникативные условия определяют выбор языка. Поэтому языковое пространство Узбекистана следует описывать как систему функционально распределённых, но взаимодействующих языков.

Именно в таком контексте применима категория асимметричного многоязычия. Она позволяет зафиксировать неравномерность распределения языков по различным параметрам без придания этой неравномерности оценочного характера. Один язык может обладать преимущественным государственно-правовым статусом, другой — сохранять значительную роль в профессиональной или межкультурной коммуникации, третий — концентрироваться в определённых этнокультурных сообществах, четвёртый — активно распространяться в сфере международного образования и цифровых технологий. В Центральной Азии подобная многоуровневая языковая организация имеет исторические основания и связана с длительным взаимодействием тюркских, иранских и русского языков, а в последние десятилетия — также с усилением английского языка в отдельных сферах международного общения и образования [7, с. 251–254].

При этом английский язык не следует рассматривать как один из «основных языков» Узбекистана в том же смысле, в каком такое определение применимо к узбекскому и русскому языкам. Его функциональная роль имеет иную природу и связана преимущественно с международным образованием, академической коммуникацией, технологической сферой, международными проектами и цифровой

культурой. В исследовании многоязычия Узбекистана это различие принципиально: языки могут быть включены в единое коммуникативное пространство, сохраняя при этом разные типы социальной и институциональной закреплённости [7, с. 251–252].

Существенной характеристикой современной языковой ситуации становится функциональное перераспределение. Под этим термином в настоящем исследовании понимается изменение соотношения сфер и функций языков в результате трансформации общественных институтов, системы образования, профессиональной коммуникации, международных контактов и информационной среды. Функциональное перераспределение не предполагает обязательного исчезновения языка из коммуникативного пространства. Изменение его роли может выражаться в концентрации использования в определённых сферах при одновременном расширении функций другого языка.

В отношении русского языка данный процесс проявляется особенно отчётливо. Расширение использования узбекского языка в государственном управлении, общественно-политической коммуникации и других институциональных сферах сопровождается сохранением русского языка в тех сегментах, где уже сложились устойчивые коммуникативные практики. В результате возникает не простая модель замещения, а более сложная конфигурация функционального распределения языков. Русский язык может сохранять востребованность в одной сфере и одновременно утрачивать прежнюю степень представленности в другой.

Подобную динамику необходимо отличать от представления о механическом «сокращении» русского языка. Количественная характеристика сама по себе не позволяет установить социальную функцию языка. Один и тот же язык может использоваться меньшим числом людей, но сохранять высокую значимость в определённых профессиональных, образовательных или информационных сегментах. В социолингвистическом отношении принципиальным является не только вопрос о том, сколько людей используют язык, но и вопрос о том, в каких коммуникативных условиях и для решения каких задач он используется.

Исследования языковой ситуации в Узбекистане подтверждают необходимость такого функционального подхода. В частности, анализ современного положения русского языка показывает, что его использование определяется совокупностью исторических, социальных и коммуникативных факторов, а сферы его функционирования не совпадают полностью с официально закреплёнными функциями государственного языка [8, с. 93–101]. Ранее отмеченная широкая представленность русского языка в различных формах неформального и межэтнического общения также должна рассматриваться как результат исторически сложившейся языковой практики [10, с. 505–510].

Особое значение в последние годы приобретает цифровая коммуникация. Интернет и социальные сети создают условия, при которых традиционные институциональные границы между языками становятся менее жёсткими. Выбор языка в цифровом пространстве определяется адресатом, темой сообщения,

коммуникативной задачей, типом площадки и предполагаемой аудиторией. В многоязычной коммуникации это может приводить к переключению кодов, использованию заимствований, смешению языковых ресурсов и применению различных графических способов передачи речи.

Такое поведение соответствует более общему принципу audience design, согласно которому языковой выбор в сетевой коммуникации может корректироваться с учётом предполагаемой аудитории и характера коммуникативного взаимодействия [6, p. 62–64]. Цифровая среда тем самым не отменяет языкового распределения, а делает его более гибким и ситуативным. Один и тот же пользователь может выбирать узбекский, русский или английский язык в зависимости от адресата и цели конкретного сообщения.

Материалы исследований цифрового многоязычия в Узбекистане показывают, что узбекский, русский и английский языки могут сосуществовать в онлайн-коммуникации, выполняя разные функции. Русский язык сохраняет заметное присутствие в городском и профессионально ориентированном общении, тогда как английский особенно активно связан с международной коммуникацией, технологической сферой, высшим образованием и цифровой культурой [9, с. 49–52]. Существенно, что подобное сосуществование не обязательно принимает форму устойчивого разграничения: в цифровом пространстве возможны ситуативные переключения между языками и смешанные коммуникативные практики.

В этом отношении цифровая коммуникация является не просто новой сферой использования языка, а пространством наблюдения за изменением самой логики языкового выбора. Если в институциональной коммуникации выбор языка часто определяется нормативными требованиями, то в социальных сетях значительно возрастает значение адресата, коммуникативной цели и индивидуальной языковой компетенции. Языковая практика становится более вариативной, а границы между языковыми кодами — менее стабильными.

Русский язык в этой системе выполняет несколько взаимосвязанных функций. Во-первых, он сохраняет значение как средство межкультурной коммуникации. Во-вторых, он продолжает использоваться в отдельных образовательных и профессиональных контекстах. В-третьих, русский язык остаётся частью информационного пространства, в котором функционируют СМИ, цифровые платформы, образовательные материалы и профессиональные ресурсы. Наконец, для определённой части пользователей он является элементом ранее сформированной языковой компетенции, что обеспечивает его воспроизводимость даже при изменении языковой политики.

При этом нельзя механически переносить характеристики одной социальной группы на всё языковое сообщество. Языковая ситуация Узбекистана территориально, социально и поколенчески неоднородна. Соотношение узбекского, русского, английского и других языков может различаться в зависимости от региона, возраста, уровня образования, профессиональной деятельности и коммуникативной среды.

Поэтому любые обобщения о современном положении русского языка требуют ограничения их сферой, в которой соответствующее явление действительно наблюдается.

Существенно и то, что государственная языковая политика и реальная языковая практика не находятся в отношении прямого противопоставления. Укрепление государственного статуса узбекского языка не означает автоматического прекращения функционирования других языков. Нормативные документы Республики Узбекистан непосредственно фиксируют возможность развития языков всех национальностей и народностей, проживающих в стране [3; 4]. Социолингвистическая реальность, в свою очередь, показывает, что языковое поведение определяется не только нормативными предписаниями, но и накопленными социальными практиками, коммуникативными потребностями и структурой языковых компетенций.

Для характеристики современной ситуации поэтому недостаточно использовать бинарную схему «государственный язык — узбекский язык». Такая модель упрощает языковую картину страны и не учитывает множественность языков и функций. Более продуктивна многоуровневая модель, включающая как минимум три аналитических параметра: юридический статус, институциональное положение и социально-коммуникативную функцию. Юридический статус определяется нормативными актами; институциональное положение связано с реальным присутствием языка в системе образования, государственного управления, науки, профессиональной и информационной коммуникации; социально-коммуникативная функция отражает востребованность языка конкретными группами говорящих и в конкретных типах общения.

Именно разграничение этих параметров позволяет избежать методологической ошибки, при которой нормативный статус языка непосредственно отождествляется с масштабом его фактического использования. Для русского языка особенно важен третий параметр — социально-коммуникативный. Его значение в современном Узбекистане определяется не государственным статусом, а совокупностью исторически сформированных и продолжающих воспроизводиться коммуникативных практик.

При этом языковая ситуация продолжает изменяться. Расширение сфер функционирования узбекского языка, развитие национальной системы образования, увеличение международных контактов, усиление роли английского языка в академической и технологической среде, а также стремительное развитие цифровой коммуникации формируют новую конфигурацию языкового пространства. Русский язык в этой конфигурации сохраняет свои позиции прежде всего там, где существует соответствующая социальная потребность и накопленная языковая компетенция.

Перспективная динамика русского языка в Узбекистане поэтому может быть описана как процесс функциональной специализации и перераспределения сфер употребления. Его дальнейшее функционирование будет зависеть не только от демографических факторов, но и от качества образования, характера

профессиональной коммуникации, информационной инфраструктуры, международного сотрудничества и цифровой среды. Одновременно сохранение русского языка в отдельных сферах не препятствует дальнейшему укреплению узбекского языка в качестве государственного.

Современное языковое пространство Узбекистана следует понимать как динамическую систему асимметричного многоязычия, в которой языки обладают неодинаковыми, но взаимосвязанными функциями. Узбекский язык занимает центральное положение в государственно-институциональной системе; русский язык сохраняет социально-коммуникативную значимость в ряде образовательных, профессиональных, информационных и межкультурных сфер; английский расширяет присутствие в международной, академической, технологической и цифровой коммуникации; другие языки поддерживают этнокультурную и региональную составляющие многоязычного пространства. Такая модель не предполагает статичности: изменение общественных институтов и коммуникативных практик постоянно перераспределяет функции языков.

Русский язык в современной языковой ситуации Узбекистана, следовательно, целесообразно рассматривать не через категорию формального статуса, а через совокупность реально выполняемых им социальных и коммуникативных функций. Его современное положение определяется взаимодействием исторической языковой инерции и новых тенденций функционального перераспределения. Это позволяет интерпретировать происходящие изменения не как одностороннее вытеснение русского языка, а как закономерную трансформацию его функциональной ниши в условиях укрепления государственного языка, расширения международных контактов и формирования новых цифровых моделей коммуникации. Такой подход наиболее полно соответствует социолингвистической природе современной языковой ситуации Узбекистана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Нормативно-правовые источники

1. Конституция Республики Узбекистан. Новая редакция, принята на референдуме 30 апреля 2023 г.
2. Закон Республики Узбекистан от 21 октября 1989 г. № 3561-XI «О государственном языке» (в редакции Закона Республики Узбекистан от 21 декабря 1995 г. № 167-I).
3. Указ Президента Республики Узбекистан от 21 октября 2019 г. № УП-5850 «О мерах по кардинальному повышению роли и авторитета узбекского языка в качестве государственного языка».
4. Указ Президента Республики Узбекистан от 20 октября 2020 г. № УП-6084 «О мерах по дальнейшему развитию узбекского языка и совершенствованию языковой политики в стране».

Использованная литература

5. Абдурахманов Ф. И. Русский язык в Узбекистане: история и современность (Социолингвистический аспект) // Язык и культура в праве: материалы научного мероприятия. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2025. С. 16–20.
6. Андроутуопулос Дж. *Languageing when contexts collapse: Audience design in social networking* // *Discourse, Context & Media*. 2014. Vol. 4–5. P. 62–73. DOI: 10.1016/j.dcm.2014.08.006.
7. Джусупов М. Билингвизм, полилингвизм в Центральной Азии и их взаимодействие в поликультурной тюркоязычной среде: Казахстан, Узбекистан // *Полилингвистичность и транскультурные практики*. 2025. Т. 22. № 2. С. 251–264. DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-251-264.
8. Лямкина В. А. Функционирование и значение русского языка в рамках языковой политики Узбекистана // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2024. № 3 (485). С. 92–101. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-92-101.
9. Полвонниёзова М. У. *Digital multilingualism in Uzbekistan: Uzbek, Russian and English in online interaction* // *Qo‘qon universiteti xabarnomasi*. 2026. Vol. 18 (B). P. 49–52. DOI: 10.54613/ku.v18iB.1666.
10. Цыряпкина Ю. Н. Русский язык и социолингвистическая ситуация в Узбекистане // *Мир науки, культуры, образования*. 2014. № 6 (49). С. 505–510.